

Инцест, убийство и полная деградация

Французский театр показал огневую пьесу

Кашинская - 2003 - 27 июня - с. 13.

На Чеховском фестивале в рамках экспериментальной программы французский театр «Батискаф» показал спектакль «Огнеликий» по пьесе современного немецкого драматурга Мариуса фон Мейенбурга. МАРИНА ШИМАДИНА убедилась, что современная западная драматургия не так страшна, как ее малюют.

С пьесой «Огнеликий» московская публика уже знакома. Два года назад она была показана на фестивале «NET» в постановке литовского режиссера Оскараса Коршуноваса и вызвала тогда шквал критического морализаторства. Московская театральная публика оказалась не готова адекватно воспринять жесткий социальный памфлет «нового рассерженного» драматурга и увидеть за «безнравственными сценами насилия и разврата» пронзительную историю о трудности взросления и о

юношеском неприятии пошлого и грубого мира взрослых. Между тем эта пьеса Мариуса фон Мейенбурга поставлена уже в тридцати странах, а на берлинском драматургическом фестивале ей была посвящена специальная режиссерская конференция. Но за последнее время и московская публика изменилась. Фестивали современной пьесы и ворвавшиеся на столичные сцены молодые режиссеры начали приучать ее к жесткости новой драматургии. После ядерных спектаклей Кирилла Серебренникова французский «Огнеликий» уже не кажется таким ужасным.

Эту постановку можно назвать гуманной со всеми основаниями. Очень тяжелую пьесу об инцесте, убийстве родителей и полной деградации брата и сестры режиссер Микаэль Серр представил в «падающем режиме», так что зрителей, в отличие

от героев спектакля, не выворачивает наизнанку от тошноты. Самые страшные моменты — убийства, поджоги и грехопадения — в постановке не показаны. Режиссер останавливает действие за полшага до роковой черты, когда зритель уже съезжается в кресле от неприятного предчувствия и возобновляет через полшага после, когда уже ясно, что все случилось. К тому же режиссер явно не испытывает отвращения к своим персонажам: и родители-обыватели, и экстремисты-дети выглядят у него вполне симпатичными существами. Ну любит папаша по вечерам читать свою газету, а мамаша закручивать бигуди — не так уж это и плохо. А то, что дети ненавидят этот тупорылый мещанский мирок, так это просто юношеский максимализм. Только в пьесе он достигает каких-то гипертрофированных размеров.

Курт и Ольга, как дикие зверьки, целыми днями сидят взаперти в своей комнате и, не желая иметь ничего общего с этим поганым миром за стенами, находят утешение в объятиях друг друга. А по ночам выходят на дело, планомерно поджигая все окрестные строения. Желание спалить весь город у «огнеликого» (с обожженным лицом) брата основывается на какой-то хитрой доморощенной философии, согласно которой человек горит, пока живет, а когда этот жизненный пламень в нем угасает, его нужно сжечь в прямом смысле слова, чтобы не чадил зря. Это языческое огнепоклонничество юных противопоставлено сытой, затхлой жизни уставшего цивилизованного общества. Но этот протест лишен революционного пафоса, который обычно сопровождает вечный конфликт поколений во времена политических

смут. В «Огнеликом» спор отцов и детей маскируется под бытовую, полную физиологических подробностей драму. Но на самом деле речь в нем идет о проблемах экзистенциальных.

Убеждает в этом прежде всего исполнитель главной роли Олаф Бенешведт. От его пылающего лица, резкой пластики, пронзительного взгляда и вдохновенных пламенных монологов веет настоящим фанатизмом экстремиста-цеоромантика, готового уничтожить несовершенный мир вместе с собой. В финале несчастный шаманский танец Курта вокруг трупов родителей все-таки выдает в героя Олафа Бенешведта безумца. Но всю проблематику спектакля свалить на бред сумасшедшего не получится. Потому что этот безупречно выстроенный и отлично сыгранный спектакль дает понять, что сегодня захотеть взорвать этот мир очень легко и в здравом уме.